

СЕРГЕЙ РУЛЁВ

ПОДВАЛ

РАССКАЗ

Мы собирались в том подвале чуть ли не каждый день. Разумеется, только в теплое время года — весной и летом.

Наверное, в каждом старом городе, в каждом хоть чуть-чуть уважающем себя дворе есть такой подвал, где собираются пацаны в возрасте от семи до двенадцати лет. Не подростки, для которых подвал — это место, где можно открыто послушать душераздирающую для ушей родителей музыку, попить водки и потрогать бесшабашных соседских девчонок. Мальчишки собираются в подвал не для этого. Это им предстоит узнать позже.

Мы тоже собирались в нашем подвале не для того, чтобы развлекаться. Нас манили туда сумрак, тишина, сырость и таинственность. Сидя в почти полной темноте и ловя напряженным до предела слухом странные и непонятные шорохи, так здорово было рассказывать страшные и не очень страшные истории, тем самым щекоча свои еще не испуганные жизнью нервы.

Для меня все мое детство ассоциируется с тем подвалом, потому что десятилетний “я”, который сживал там в компании своих сверстников, свято верил во все таинственное, необычное и чудесное. По-моему, именно этим отличается ребенок от взрослого.

РУЛЁВ Сергей Юрьевич родился в 1973 году в Саратове, но уже через год после рождения вместе с родителями переехал в Республику Коми, в город Ухту, где и закончил школу. Учился в Ухтинском индустриальном институте по специальности геологоразведка. Не закончив институт, ушёл служить в армию. Сейчас работает мастером по ремонту бытовой техники. Пишет прозу. Публиковался в газетах “Ухта”, “Стрелка”, журнале “Арт”, альманахах “Белый бор” и “Перекалы”, авторском сборнике “Такси”. Живёт в городе Ухта, Республика Коми.

Я и все мои тогдашние приятели, мы все выросли в том подвале. И не только потому, что достигли определенной возрастной черты. Тот подвал сыграл в наших жизнях большую роль. Очень большую и роковую роль.

Иногда я думаю, что лучше бы в мире вообще не было подвалов. Никаких. Нигде. Хотя, конечно, так думать глупо.

Зато другая мысль, которая не дает покоя все эти годы, вовсе не глупая. Просто она пришла слишком поздно. Когда уже ничего нельзя было изменить. Зря мы выбрали тот подвал.

Я не знаю, откуда там это взялось, и сколько времени оно там ждало. Я точно знаю только одно — оно дождалось своего часа. Дождалось нас.

В тот вечер нас собралось в подвале особенно много. Почти вся наша компания. Сначала мы, как обычно, рассказывали друг другу всякие истории, а потом как-то, кажется, все-таки это был Юрка, предложил вызвать чертика. Вообще-то мы довольно часто занимались подобной ерундой — вызывали духов с помощью свечей, карт и кусочков зеркал; задавали духам вопросы с помощью алфавита, блюдца, обыкновенной швейной иглки и обрывка нитки. Всех способов не перечислить, да и не все они помнятся.

Сначала мы восприняли предложение Юрки без особого энтузиазма, но он предложил такой рецепт, о котором никто из нас до сих пор не слышал.

— Нам нужна бутылка с водой, кусок свечки и зубная паста, — загибал на руке пальцы Юрка. — И полная темнота.

— Ну, с темнотой у нас проблем не будет, — заметил Борька, указывая на дальний конец подвала, проход куда загораживали остатки деревянной перегородки и скособоченная, висящая на одной нижней петле дверь.

— Серега, — хлопнул меня по плечу Игорь, — тебе бежать за водой. Ты ближе всех живешь.

— Во-во, — поддакнул Юрка, — заодно и пасту зубную прихвати.

Бежать домой мне не хотелось ужасно. Хотя бы только потому, что родители запросто могли притормозить меня на ужин. Но точно такая же проблема была и у остальных пацанов. Я понял, что при любом раскладе остаюсь крайним, и потому смирился со своей участью засланца.

— А бутылку вы уже нашли? Я из дома брать не буду, — недовольно и с ехидными нотками в голосе пробурчал я.

— Сейчас найдем! — поспешил заверить меня Леха. — Тут в углу, кажется, штуки две валялось.

Бутылку и правда нашли быстро. Огарков свечей у нас было пруд пруди, так что дело оставалось за водой и зубной пастой, то есть за мной.

Тяжело вздохнув — и искренне, и для порядку одновременно, — я взял бутылку и направился к лестнице, ведущей наверх из подвала. Оказавшись на улице, я первым делом нащупал в кармане ключ и стал обдумывать план молниеносного посещения квартиры. План сработал.

Едва открыв дверь и оставив ключ торчать в замке, я тут же бросился в ванную. Одной рукой открывая кран с холодной водой, второй рукой я уже засовывал в карман штанов полувывязатый тюбик с зубной пастой “Поморин”. Мерзкая, следует отметить, штука, если использовать ее по прямому назначению.

В тот самый момент, когда первые капли воды упали на дно бутылки, с кухни донесся голос моей мамы:

— Сергей, это ты?

Я промолчал, создавая вид, что меня нет. Как я и предполагал, этот номер не прошел. Через пару секунд до моих ушей долетел тот же самый вопрос.

— Сергей, это ты? Я знаю, что это ты, так что не думай играть в молчанку.

Молчать дальше действительно не имело смысла. Не получив ответа снова, мама могла запросто оставить все свои дела на кухне и прийти в ванную, тем самым перекрыв мне все пути отхода, что меня совершенно не устраивало, так как привело бы мою операцию к полному провалу. Поэтому, не особо долго раздумывая, я ответил:

— Я, мам, — и выиграл драгоценные секунды.

— Тогда мой руки и иди сюда. Сейчас будем ужинать, — крикнула мама. Но в этот момент вода полилась из горлышка переполненной бутылки, и я, резко закрыв кран, согласно плану, скороговоркой выпалил:

— Mam, я сейчас. Быстро. Скоро приду.

Выскочив на лестничную площадку и закрыв ключом дверь, я облегченно вздохнул и подумал: “Кажется, пронесло...”

Лучше бы моя мама все-таки оставила все свои кухонные дела и успела перекрыть мне выход из ванной. Хотя... Все, что произошло потом, запросто могло произойти и на следующий день.

Как и всегда, я спускался в подвал, чувствуя легкую дрожь во всем теле. Несмотря на то, что я прекрасно знал о том, что внизу меня ждут мои приятели. Это ничего не меняло. Это словно переходишь из одного мира в другой. Звуки двора и улицы постепенно приглушаются, а затем невидимой чертой отсекаются вовсе. Меняется воздух, меняются запахи, меняется все.

Наверное, кроме всего прочего в подвале нам всем нравился этот ритуал перехода из мира в мир. Это было своего рода таинство, которое завораживало и притягивало.

Меня уже действительно ждали. Скособоленную дверь отодвинули в сторону, а щели между досками перегородки успели залепить невесть откуда взвышмися старыми газетами и каким-то тряпьем. Увидев меня с бутылкой воды в одной руке и тюбиком зубной пасты в другой, ребята хором шепотом завопили:

— Ну наконец-то!

Можно подумать, я отсутствовал целые сутки.

Через секунду все принесенное мною оказалось в Юркиных руках, и мы всем табором свалились в темную отгороженную часть подвала.

Скажу сразу: раньше мы туда не совались. Хотя бы потому, что там бегали крысы. Иногда мы слышали, как они там шуршат и попискивают среди нагромождений старой мебели, мешков с барахлом нескольких поколений жильцов дома и трухлявых ящиков. Сильная захламленность была второй причиной, почему мы не лезли в ту часть подвала.

И правильно делали. Лучше бы мы никогда туда не заходили.

Не проходя особо далеко, мы уселись тесным полукругом возле поставленной Юркой на пол бутылки.

— Закройте дверь. Свет падает, — недовольно пробурчал он.

Мишка, зашедший последним, молча развернулся и со страшным скрипом, который острой бритвой полоснул по нашим уже натягивающимся нервам, прикрыл скособоленную дверь.

Теперь нас окружала полная, абсолютная, осязаемая темнота.

— Порядок, — раздался из ниоткуда удовлетворенный Юркин голос, а затем чиркнула спичка, и Юрка, приобретший в ее неровном свете вполне определенные координаты, зажег огарок свечи и поставил его рядом с бутылкой.

— А теперь все тихо, — излишне напомнил он нам. Все и так сохраняли полное молчание.

С загадочной торжественностью, никогда бы не подумал до того, что столь простую операцию можно проделать с таким видом, Юрка выжал всю пасту из тюбика в бутылку с водой. Потом поднял ее, зажал горлышко указательным пальцем и три раза медленно встряхнул. Затем он поставил бутылку на место и присоединился к нам.

Мы сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу плечами, каждый ощущая легкую дрожь, и свою, и бьющую соседей с обеих сторон. Эта дрожь через полминуты стала действительно общей. Она, как и общее молчание, объединяла нас. Мы словно впали в коллективный транс, который позволял нам почувствовать себя единым целым.

Наконец, когда все наши чувства обострились до предела, Юрка прошептал:

— А теперь хором говорите: чертик, чертик, появись.

Глушеишая фраза даже для детей в возрасте десяти лет. Но мы, заворуженные обстановкой и следуя воле коллективного сознания, подчинились, повторяя раз за разом это заклинание:

— Чертик, чертик, появись.

Не помню, сколько раз мы произнесли эту фразу. Может, двадцать, а может, и сто раз. При этом каждый из нас, я это сужу по себе, до боли в глазах всматривался в освещенную скудным светом свечи бутылку, ожидая появления этого самого чертика. Мы искренне верили, что там обязательно должно появиться. Мы верили, поэтому когда, в конце концов, кто-то испуганно-восторженно прошептал:

— Смотрите... — все разом замолчали, отыскивая взглядом что-нибудь постороннее в светлом пятне вокруг свечи.

И каждый что-то увидел.

Лично мне померещилось темное облачко, вылезающее из горлышка бутылки и пытающееся принять вполне определенные очертания. Не сомневаюсь, что все остальные увидели нечто подобное.

Темнота, тишина и общее видение. Эти три компонента соединились вместе и породили страх. Он дохнул на нас своим ледяным дыханием из освещенного свечкой круга. И кто-то из ребят не выдержал. Потом выяснилось, что это был Мишка. Он вскочил и со всего размаха пнул ногой бутылку, отчего та улетела куда-то в темноту и там глухо звякнула. Но кроме бутылки Мишка задел ногой свечу. Она потухла, и мы оказались в полной темноте.

— Ну вот, не могли подождать, — разочарованно протянул Юрка. Все остальные молчали. В тишине слышалось только едва заметное бульканье — это выливалась вода из злополучной бутылки.

А потом что-то чавкнуло. Представляете, полная тишина, и вдруг такой громкий неприятный звук.

Игорь, я точно помню, что это был Игорь, сказал:

— Хорош прикалываться. Пора уже вылезать отсюда.

Никто ему на это ничего не ответил и, как ни странно, не пошевелился.

Что-то чавкнуло снова. И теперь мы все отчетливо услышали, что звук этот шел оттуда, куда улетела бутылка — из глубины подвала, где было свалено всякое барахло.

— Что это? — прошептал кто-то из нас.

И тут мне стало страшно. Всем нам стало страшно. Если бы не страх, то Борька никогда не сделал бы того, что он сделал — поднял с пола осколок кирпича, который случайно оказался у него под ногами, и швырнул его туда, откуда исходил звук.

Послышалось мягкое и какое-то слизкое “шлеп”, и мы услышали рык, от которого наши души моментально оказались в пятках.

Кто-то заорал. Я, кажется, тоже.

Перевел дух я только на улице. Сильно болело левое плечо — мы бежали все вместе, одновременно, толкаясь и пихаясь, и я здорово подправил им косяк той самой болтающейся на одной петле двери.

В тот день мы разошлись тихо, не прощаясь и даже не оглядываясь друг на друга.

Я ничего не сказал своим родителям и всю ночь плохо спал. Мне снились кошмары — темнота, в этой темноте два огненно-красных глаза и мой страх, мой первобытный всепоглощающий ужас.

Едва проснувшись, я понял, что хочу снова спуститься в подвал. Мне было страшно, неопишимо страшно, но, несмотря на это, мне хотелось попасть туда снова.

Это сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что ничем иным, кроме как наваждением, это не объяснишь. А тогда... Тогда я был всего лишь десятилетним ребенком.

Вечером, часов в семь, как обычно, вся наша компания в полном вчерашнем составе собралась возле входа в подвал. Мы все вели себя странно и дергано, и мы почти совсем не разговаривали. И нас всех объединяло одно желание — снова оказаться в подвале.

Последним пришел Борька. Он привел с собой своего старшего брата Андрея. Мы все его знали. Ему было девятнадцать лет, и он нам казался ужасно взрослым.

Несмотря на теплую погоду, Андрей был в легком длинном плаще. Мы все обратили на это внимание, и лично я как-то сразу догадался, что под пла-

щом он прячет охотничье ружье. То самое, которое всегда висело на стене в зале у Борьки дома.

Не знаю, что там Борька наплел своему брату, но факт остается фактом — они пришли вместе, и Андрей взял с собой ружье.

— Что, мелочь, пообсыкались вчера со страху? — вместо приветствия с усмешкой спросил нас Андрей, едва они к нам подошли. — Ладно, сейчас посмотрим, что там могло вчера вас так перепугать.

Андрей усмехался, но было видно, что он нервничает. Видимо, рассказ Борьки был очень живописен.

— Ну что, кто желает, может сходить туда со мной. Только под ногами не путаться!

Посмотрев на Борьку, Андрей добавил:

— Держись где-нибудь сзади меня. Понял?

Борька согласно закивал, и удовлетворенный таким ответом Андрей достал из кармана фонарик и стал спускаться по лестнице.

Соблюдая небольшую дистанцию, мы все гуськом двинулись вслед за ним.

Внизу все было как обычно, как в любой из тех дней, когда мы собирались здесь на свои посиделки. Ничто не говорило о том, что в глубине подвала нас может ждать что-то необычное и тем более ужасное.

Но тем не менее, я очень хорошо это помню, меня ни на минуту не оставляло чувство, очень напоминающее ощущение обреченности.

По пути в дальнюю половину подвала каждый из нас, памятуя о вчерашнем, захватил с собой свечной огарок, так что, когда мы прошли через еще более, чем она была вчера, скособоченную дверь, вокруг нас было довольно светло.

— Откуда вчера... — Андрей явно подбирал нужные слова. — Ну, хрень эта рычала?

— Оттуда, — Борька пальцем указал направление.

Освещая себе дорогу фонариком, Андрей направился к нагромождению мешков и ящиков. Дойдя до них, он обернулся к нам и неопределенно хмыкнул.

— Эх вы, салабоны. А я, дурак, повелся.

Он сказал это тихо, не обращаясь специально к нам, но мы в такой тишине просто не могли его не услышать. Не знаю, как другим, но мне стало обидно от его слов.

Демонстрируя полнейшее презрение к нашим страхам, Андрей стал пинать мешки и коробки, лежащие возле него. Не знаю, что в них было, но они довольно легко отлетали в стороны от его ударов. Впрочем, это продолжалось недолго. Пятая или шестая по счету коробка, несмотря на увесистый пинок, даже не подумала сдвинуться с места, а Андрей, похоже, здорово ушиб об нее ногу, потому что процедил сквозь зубы:

— Ах ты, чтоб тебя... за ногу...

После чего снова пнул ее, теперь уже со злости.

И тогда снова раздалось рычание. Жуткий звук, сквозь барабанные перепонки проникающий прямо в мозг, с гулким эхом отражаясь от замшелых кирпичных стен, пронесся по подвалу.

И снова нас накрыла волна ужаса.

— Это еще что за ерунда? — раздался изумленный возглас Андрея. И я, дрожа мелкой дрожью, подумал: “Как он может стоять там и еще ругаться? Надо бежать, бежать...”

А рычание, едва умолкнув, возникло снова. Оно шло из ниоткуда, заполняя все пространство маленького подземелья.

А потом воздух вокруг нас всколыхнулся, и все свечки, которые мы держали в руках, одновременно погасли. И фонарик Андрея тоже погас, отчего тот еще раз чертыхнулся.

Мы остались в темноте, каждый один на один со страхом. Своим и общим.

То, что было потом, я помню очень смутно. Мы снова убежали. Но это было не просто паническое бегство от темноты и страха, как в прошлый раз.

За нами что-то гналось, и оно нас догнало. Я помню только общую свалку, где каждый старался вырваться вперед, отпихивая, толкая и лягая друг друга. Я помню скользкие липкие прикосновения к своей коже, отчего тонкие волосики на всем теле, о существовании которых я раньше и не подозревал, становились дыбом, а мой ужас усиливался тысячекратно. Я помню свет, свежий воздух и пришедшее вместе с ними чувство облегчения. И выстрелы. Два выстрела. Один за другим.

Те, кто выбегал из подвала, останавливались недалеко от входа и, тяжело дыша, ждали остальных. Я не знаю почему.

Последним из подвала вышел Борька. Мы уже все собрались и ждали довольно долго. Нам казалось, что ни он, ни Андрей вообще из подвала не выйдут.

Андрей действительно не вышел, а Борька вышел. Он был какой-то странный. Вернее, каким-то странным и совсем чужим, не Борькиным, был его взгляд.

А еще на его одежде была кровь.

Как только он появился, мы сразу же поняли, что пора расходиться по домам. Не было ни удивления, ни желания узнать, что же случилось.

Уже потом мы узнали, что Андрей погиб в результате неосторожного обращения с оружием. По крайней мере, такова была, что называется, официальная версия.

Мы больше никогда не собирались в подвале. Ни в этом, ни в любом другом. Ни вместе, ни с другими компаниями.

И еще мы все как-то сразу перестали дружить с Борькой. Это получилось естественно, само собой. Лично у меня, когда я видел его, в душе поднималась смутная, беспокойная темная волна. Я так и не смог к этому привыкнуть.

А потом мы выросли. Закончили школу. И стали умирать. Один за другим. Глупые, совершенно нелепые смерти.

Очень скоро нас осталось... Но этого я уже не боюсь.

Только до сих пор меня пробирает дрожь, когда я снова вижу то, что темной пеленой плескалось в Борькиных глазах, когда он вышел-таки из проклятого подвала.